

„В р а г и“

(Окончание).

У Н. Гарина, вдумчивого и обладающего большими возможностями артиста, Яков вышел фигурой значительной и глубокой. Артист выразительно передает тяжелые размышления Якова, его острую неудовлетворенность окружающим. Он углублен в себя, сосредоточен. И именно потому, что он далеко уже ушел от молодого и легкомысленного барина—прожигателя жизни, ждешь от Якова в гаринском исполнении решительных поступков. Такой может не только самоубийством кончить, а сам выстрелить в одного из неприятных ему жандармов...

По-иному рисует этот образ К. Македонский. Его Яков мягче, рассеянее, у него больше мелких движений. В нем и внешне больше сохранность от «талантливой льяницы и красивого бездельника», который сейчас растерялся перед суровой жизнью, спрашивающей: «Вы кто такой?» и бежит куда угодно—к опьянению, к самоубийству, чтобы только не отвечать на вопрос. Образ, создаваемый Македонским, кажется нам ближе к правде. Но об этом позже.

Роль Татьяны исполняют З. Шерстневская и заслуженная артистка республики М. Януш. У Шерстневской Татьяна подвижнее и острее. Януш несколько отяжелевший образ, ее Татьяна уравниственнее. Мешает артистке неудачный костюм и особенно грим, лишающий лицо его мимической выразительности.

Но в основе своей образ один. Во время больших пауз, которые есть у Татьяны на сцене, она никогда не бывает рассеяна, она вдумчива. Она полна обаяния, эта со вкусом одетая женщина, так прямо высказывающая свои резкие и меткие суждения. Татьяна вырисовывается собранным, цельным человеком.

И здесь возникает множество неувязок. Может ли такая Татьяна заинтересовать Николая Скроботова и показаться ему доступной? Скажет ли она ему в откровенной беседе один на один хоть с какой-нибудь долей правды: «Каким мы с вами

оба дряни?». Она не откажет в помощи Синцову. К ней не обратится Надя с гневными словами: «А ты даже сказать ничего не можешь!». Она не отойдет от Нади, а будет вместе с ней.

В спектакле Татьяна оторвана от Якова. Он вызывает в ней только раздражение своим постоянным опьянением, своей опущенностью. А так ли это?

Не трудно заметить, что некоторых персонажей своей пьесы Горький дал парами. Близка и Татьяна Якову. Только с ним, с Яковым, она говорит вполне откровенно о том, что накопилось на душе. Пусть Яков и прошлое для Татьяны, но это ее прошлое. Эта существенная черта затухает в спектакле.

Да и сам Яков. В исполнении Гарина (сильно и убедительно, если брать образ изолированно) он напоминает Федю Протасова из «Живого трупца» Толстого или даже скорее Иванова из чеховской драмы «Иванов». Он вызывает у зрителя, как и у экономки Бардиных Аграфены, наливающей ему коньяк, жалость и некоторое уважение. А верно ли это? Должен ли зритель смотреть на него глазами Аграфены?

У Чехова Иванов «отбегает в сторону и застреливается». У Толстого Федя «вынимает пистолет и стреляет себе в сердце». Этим кончаются пьесы. А вспомним, как у Горького: Яков в смятенном настроении быстро выходит с револьвером в кармане, но выстрела в спектакле не разделяет, как нет его и в ремарках. Мы не уверены при чтении пьесы, да и видя в этой роли другого исполнителя—Македонского, что Яков обязательно застрелится. Дело может кончиться очередной выпивкой.

Горький не Толстой и не Чехов. Он дал фигуру Якова на фоне рабочего движения, и на этом фоне не мог сочувственно обрисовать ее.

Не следует забывать и то, что «Враги» написаны после «Дачников» и «Детей солнца», пьес, сурово осуждающих тех интеллигентов, которые—какими бы красивыми словами ни прикрасывались, в какие бы благородные позы ни становились—укло-

няются от служения народу. (Мог ли Горький повернуть к иному пониманию, к иной оценке таких людей?)

Пьеса Горького прочитана режиссером А. Михайловым не как историческая пьеса, а как документ борьбы, документ, волнующий и сегодня. В спектакле звучит страстное утверждение морального превосходства рабочего класса. Принятая режиссером трактовка образов Якова и Татьяны снижает страстность этого утверждения. Сами работники театра говорят, что их несколько не удовлетворяет второе действие. По нашему мнению, в нем много хорошего. Но некоторая недоделанность этого действия, блеклые чеховские тона, которые здесь есть, идут именно от отсутствия четкого горьковского отношения к Якову и Татьяне. У Татьяны, в частности, пропадает ряд мест: слова о толпе, об отсутствии героизма у рабочих, слова «как мне тяжело», уход Синцова. Будь она внутренне противоречивой, эти места не пропали бы, моральное превосходство рабочих звучало бы во втором действии полнее, все оно было бы приподнято.

Есть в спектакле несколько (очень немного) и других недостатков. Неудачна, например, попытка в начале третьего действия еще раз разоблачить Клеопатру: вывести ее на сцену плачущей, а затем заставить быстро забыть горе и кокетничать с ротмистром Бободовым. После того, что мы уже узнали о ней, это лишнее.

Следуя замыслу режиссера, художник Н. Ломоносов придвинул фабрику к саду Бардинных. Но ему не удалось (что можно лишь отчасти оправдать малыми размерами сцены) художественными средствами проложить достаточную грань между фабрикой и садом. Барский сад выглядит уж слишком на задворках фабрики—убогим, напоминает огород Полового. Было бы лучше для реализации интересного режиссерского замысла сделать два несколько различных оформления для первого и второго действия и лишь во втором действии приблизить фабричное здание так, чтобы оно давило сад.

Отмеченные недостатки не могут изменить общей оценки спектакля.

Драматургический материал Горького своеобразен и представляет трудности при

воплощении на сцене. Дело не в том, что пьесы Горького лишены внешних эффектов. Художник огромной широты охвата, художник, в котором билось горячее, готовое на все откликнуться сердце и непрерывно напряженно работала мысль, Горький стремился очень многое вместить в свои драмы. Почти всегда в них много сюжетных линий, хотя сюжет не бывает обычно развитым, а богатство ассоциаций рождает дополнительные «отлеты» мысли, побочные эпизоды. Идейная и художественная емкость делают их сложными для постановки.

Пьесы Горького можно ставить только хорошо. Будучи поставлены посредственно, они, действительно, выглядят рядом слабо связанных сцен, как ошибочно писал о них однажды сам Горький.

«Враги» в нашем театре поставлены хорошо. Большую и интересную работу продел постановщик А. Михайлов, работу, которой нельзя не отдать должное, несмотря на высказанные выше некоторые возражения. Он использовал многое из того ценного, что было в ставшем классическим спектакле «Враги», созданном МХАТом. Однако он не пошел по пути простого дублирования, повторения этой постановки. Режиссер не боялся пойти на подчеркивание и заострение, на более широкое использование средств театральной выразительности. Сделано это на основе большой и глубокой работы с артистами, на основе правдивой реалистической лепки каждого образа и при самом бережном сохранении всего горьковского текста.

В спектакле больше, чем часто бывает, страстности, яснее проступает рабочая, пролетарская мускулатура, которая отличает драматургию Горького от драматургии Чехова. Немалое значение имеет то обстоятельство, что в нем есть та одинаковая степень разработанности ролей, та готовность артистов подчиниться замыслу целого, та уверенность дисциплина, которые рождают ансамбль.

Очень хороша концовка спектакля. Это взлет. Скульптурно построена группа рабочих, рвущих цепь солдат и жандармов. И громко звучат слова Левшина: «Нас не вышвырнешь, нет!».

В. СЕРОВ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: г. Молотов, ул. К. Маркса, 8. Телефоны: редактор—86-44; зам. редактора—78-36; отв. секретарь—78-37; секретариат—77-23; отделы партийной и промышленности и транспорта и внутренней информации—78-19; отдел сельского хозяйства—80-46; отдел литературы и искусства—42-24; отдел писем—78-34; отдел объявлений—